

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Проект социальной философии Владимира Фурса: идеи, контекст, перспективы

Круглый стол состоялся *12 октября 2013 года* в рамках *Третьего Конгресса исследователей Беларуси в Каунасе* (Республика Литва). Специально для круглого стола модераторы попросили подготовить небольшие выступления коллег и учеников Владимира Фурса (1963–2009). В качестве специальных докладчиков, призванных инициировать дискуссию, выступили Павел Барковский, Андрей Тетёркин, Дмитрий Иванов, Андрей Ролёнок, Галина Русецкая, Дмитрий Гамезо.

Модераторы: Андрей Лаврухин (философ, кандидат философских наук, Европейский гуманитарный университет (ЕГУ)), Андрей Ролёнок (философ, преподаватель ЕГУ).

Участники: Павел Барковский (философ, кандидат философских наук, Белгосуниверсит), Дмитрий Иванов (доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета (СПбГУ)), Юрий Асочаков (социолог, кандидат философских наук, доцент СПбГУ), Андрей Тетёркин (философ, преподаватель ЕГУ), Галина Русецкая (социолог, магистр философии), Дмитрий Гамезо (философ, магистрант ЕГУ), Оксана Шелест (социолог, кандидат социологических наук, эксперт Агентства гуманитарных технологий), Ольга Бреская (кандидат социологических наук, руководитель Сектора научных исследований ЕГУ), Феликс Аккерман (Ph. D., доцент DAAD по прикладной культурологии, ЕГУ) и др.

Вступительное слово

Андрей Лаврухин. Сегодняшний круглый стол посвящён философу Владимиру Фурсу. В лице Владимира Фурса мы потеряли выдающуюся личность. О его достоинствах и заслугах мы уже немало говорили (на разных площадках, в разных ситуациях) и будем ещё говорить, но сегодня разговор будет связан с обращением к наследию, к тем идеям и направлениям мысли, которые Владимир Фурс развивал и которые были тесно, экзистенциально, с ним связаны. С уходом Владимира – и это симптоматично для гуманитарной и социальной мысли, имеющей перформативный, экзистенциальный, личностный характер, – все эти идеи и направления постепенно начали исчезать из поля зрения в самых разных смыслах этого выражения. Каждый из его последователей-учеников начинал заниматься какими-то своими темами, и все те интенции, которые прежде консолидировали вокруг себя людей, «задетых» этой проблематикой, этим типом мышления, постепенно начали рассеиваться. И вот это самое, пожалуй, прискорбное из того, что происходит в

Беларуси: у нас немало интересных людей и даже выдающихся личностей, но нам недостаёт постоянных и регулярных усилий в одном и том же направлении, дабы сформировать то, что можно было бы назвать «школой».

Этот круглый стол можно рассматривать как одну из попыток остановить это неизбежное движение к забвению. Летом этого года в ходе обсуждения с коллегами мы также пришли к выводу, что нужно сделать что-то более значительное и регулярное, а именно – проводить регулярные «Фурсовские чтения». Прежде всего, это означает сделать тему социальных исследований специальной, причём в том ракурсе и контексте, в которых этой темой занимался Владимир Фурс. Но не только: речь идёт также о новых поворотах, аспектах, которые были спровоцированы Владимиром. Мы решили приурочить *Чтения* ко дню рождения Владимира Фурса – 20 июня.

А сейчас я хотел бы попросить коллег, некогда принимавших активное участие в семинарах и иных мероприятиях, организованных Владимиром Фурсом, поделиться своими соображениями о его интеллектуальном наследии.

Павел Барковский. Спасибо за право выступить первым. Не могу сказать, что работал в одной исследовательской парадигме с Владимиром Николаевичем. Но нас долгие годы связывали достаточно тесные отношения: он был моим научным руководителем в Белгосуниверситете, а затем – вдохновителем некоторых важных философских инициатив. Оглядываясь на то, что проделал за это время Фурс (по крайней мере за последний пятнадцатилетний период, когда он серьёзно начал заниматься социальными исследованиями), я попробовал бы для начала охарактеризовать его проект в целом.

По большому счёту, Фурс попытался локализовать применительно к нашей ситуации такое непростое явление, как социальная критическая теория, приложил немало усилий для того, чтобы вообще ввести это обозначение в наш локальный контекст. До него понятие критической теории, и тем более социальной критической теории, практически не рассматривалось в отечественной литературе. Впоследствии же (в большей степени опираясь на хабермасианский вариант социальной критической теории и одновременно на её постмарксистские импликации у Корнелиуса Касториадиса и некоторых других авторов) он попытался выработать на данной основе собственную оригинальную исследовательскую программу.

Не секрет (и за это его иногда критиковали собственные коллеги), что Владимир Фурс, по сути дела, выступал как раз проводником западной исследовательской методологии в национальном контексте. И он считал, что, по большому счёту, одной из бед актуальной социальной теории здесь (имеются в виду и Беларусь, и Россия) является проблема «самодеятельности»: поиска такой самобытной и автохтонной, идущей по собственному пути развития теории, которая напрочь игнорировала бы западные образцы и стремилась утвердить нечто своё – оригинальное, ис-

конное и аутентично славянское. Как раз такие версии теории он всячески критиковал, особенно иронично и саркастично пройдясь по актуальным социально-философским исследованиям в России в своей вышедшей посмертно статье *Нищета социальной философии*, вызвавшей ожесточенную полемику в академических кругах. Сам же он в большей степени отстаивал такую версию социальной философии, которую понимал как своеобразный микст: синтез неспекулятивной социальной философии и методологической рефлексивной составляющей «думающей социологии». Под спекулятивностью или, в некоторых контекстах, метафизичностью социальной философии он понимал определённую «теоретическую заумь», которую можно встретить и в классической для нашего региона промарксистской и постистматовской социальной философии, и в наукообразных и весьма отвлечённых теоретических исследованиях. По его мнению, именно в контексте подобного синтеза может и должна развиваться социальная теория. Поэтому он сам приложил немало усилий для того, чтобы многие понятия, концептуальные схемы, которые были хорошо теоретически проработаны на Западе, по возможности апробировались на местном материале. Иными словами, у него есть масса интересных статей, где он пытается применять эту методологию для постановки и решения проблем именно здесь. Соответственно, подобного рода попытки приложения теории важны как для апробации методов, так и для того, чтобы социальное знание не превращалось в голую спекуляцию и отвлечённое теоретизирование.

Попробую сейчас особо акцентировать или по-новому сфокусировать некоторые моменты творчества Фурса, которые могут быть значимы для современной социальной теории. Например, могу сослаться на одну из его работ, вышедшую ещё в 2000 году, которая называлась *Глобализация жизненного мира в свете социальной теории*¹. Перечитывая эту работу сейчас, я нахожу для себя три важных момента для возможного обсуждения, которые, на мой взгляд, остаются актуальными и ныне, несмотря на то что заявленная тема была озвучена ещё 13 лет назад.

В общем, введя контекст глобализации в качестве панорамной оптики для оценки актуальных социальных явлений, Фурс в этой статье рассматривает ряд особенностей трансформации, которые происходят в социальном поле, приходя в конце к нескольким выводам. Они, на мой взгляд, очень показательны и сегодня.

Первый касается того, что теперь образование социальных общностей, или сообществ, должно рассматриваться сквозь призму интегрирующего их социального воображения. Поэтому для того, чтобы понять социальное (социальные процессы, социальное как таковое), мы должны обращаться к моментам развития социального воображения в современном мире.

¹ Фурс В. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории (к постановке вопроса) (1999). В: Фурс В. *Сочинения. В 2 тт.*; сост. В. Фурс, Л. Малевич, О. Шпарага. Вильнюс: ЕГУ, 2012, т. 2, 438–456.

Второй тезис, тоже прозвучавший в выводах этой статьи, состоит в том, что традиционная для раннего, или первого (в терминологии У. Бека или Ю. Хабермаса), модерна форма легитимации и легитимности политики и социального действия сегодня во многом утрачивает своё значение. По этой причине нам важно переосмыслить проблему источника легитимности большинства политических и социальных порядков, коль скоро они как-то по-новому себя задают и легитимируют, важно разобраться, как это происходит. При этом нельзя уже ссылаться на какой-то классический инструментарий, описанный в социологии времен Э. Дюркгейма или М. Вебера, необходимо что-то новое. И это, на мой взгляд, вторая важная мысль, которую было бы актуально озвучить в современном контексте.

Наконец, третья мысль, которую я обнаружил между строк в этой статье, касается того, что, как бы мы ни относились к процессам глобализации (в версии глобализма или в альтерглобалистских трактовках) и как бы мы их ни оценивали, мы не можем не принимать во внимание, что эти процессы оказываются одним из мощных инструментов изменения социального мира. И поэтому возможно, пишет Фурс, что сегодня для нашего региона, постоянно пребывающего на цивилизационном распутье (выборе пути, каким ему идти, – догоняющей модернизации по принципу вестернизации или поиска своего, автохтонного, срединного пути), благодаря этим процессам глобализации появится возможность дальнейшего развития. Развития интеллектуальных идей, процессов самоидентификации и в целом цивилизационного развития, в том числе выводящего нас за рамки самой этой дилеммы. Это не будет уже ни путь вестернизации, ни путь самобытности, славянофильства или какого-то автохтонства, а будет именно переход в некую глобальную перспективу (общую как для европейцев, так и для нас), стирающую в этом смысле различие между Европой там и Европой здесь.

Эти три остающиеся, на мой взгляд, актуальными и сегодня идеи также наглядно демонстрируют, что с опорой на тезисы Фурса возможно продолжать продвигать социальные исследования сейчас, несмотря на то что самого автора, их высказавшего, уже нет с нами.

Андрей Тетёркин. Моё выступление будет связано с впечатлениями от изучения основных социальных теорий в работах Владимира Фурса и с теми вопросами, которые возникли у меня к его разработкам и предложениям. Одной из главных тем, которая его волновала, выступала ключевой для социальной теории полемика между хабермасианцами и фукианцами, между философией незавершённого модерна и философией дисциплинарной власти. Необходимо упомянуть и другие важные для творчества Фурса темы: философия за пределами университета, проблема построения взаимоотношений между повседневным и академическим мирами, возможность распространения критического и рефлексивного мышления и постматериалистических ценностей.

Но, на мой взгляд, гораздо актуальнее сегодня проблема, которую можно выявить в текстах Фурса и которую он не поставил, возможно, потому, что не успел. Это разрыв между социальными концепциями (напр. Э. Гидденса или У. Бека), которые опираются на серьёзные эмпирические исследования, и теми теориями (обычно левого толка), которые отличает то, что их выводы не основаны на серьёзной работе с «простым человеком». Последние теории (напр. франкфуртская социально-критическая теория) выглядят как некая эссеистика, в рамках которой авторы проецируют свои сторонние наблюдения на жизнь повседневных людей. Или же мы обнаруживаем социальные теории в виде критики капитализма (как формы тотального отчуждения), которая достаточно слабо эмпирически обоснована. Полный контраст с этим можно увидеть в работах У. Бека, Э. Гидденса и других авторов. Их исследования основаны, в том числе, на анализе популярных психотерапевтических работ (и других востребованных *advice books*), которые предлагают современному человеку (человеку общества позднего модерна или общества риска) переориентироваться на ценности свободы, самореализации, креативности. Энтони Гидденс, например, указывает, что сегодня граница между миром академии (миром экспертов) и повседневностью становится проницаемой, что как никогда ранее становится востребованным знание, которое обосновывает и описывает практику самореализации; что в целом научное знание становится коммерческим (т. е. пользуется спросом у профанов).

В Германии, в частности, отмечается такая тенденция, как мода на философию («мода на мышление»), которая имеет и коммерческую сторону. Обычно в этой связи называют Рихарда Давида Прехта², который в 2007 году выпустил популярное введение в философию, состоящее из трёх частей: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?». И каждая часть посвящена обсуждению таких проблем, как: «Что есть истина?», «Морально ли сделать аборт?» и так далее. Так вот, книга продана тиражом более 1 миллиона экземпляров и переведена на множество иностранных языков. Другой пример – Вильгельм Шмид³, которого, если я не ошибаюсь, приглашали в ЕГУ на одну из летних школ. Он, правда, не так коммерчески успешен, как Прехт. Шмид является последователем позднего Фуко, т. е. использует не теорию дисциплинарной власти, а идеи эстетики существования и этики

² Прехт, Рихард Давид (Precht Richard David) (род. 1964) – немецкий автор научно-популярных книг о философских проблемах. Книга Прехта *Кто я – и если так, то сколько?* (*Wer bin ich – und wenn ja, wie viele?* (2007)) стала бестселлером: она переведена на 32 языка, продано ок. 1 млн экз.

³ Шмид, Вильгельм (Schmid, Wilhelm) (род. 1953) – немецкий философ, специализирующийся по философии искусства и философии жизни. Его книги переведены на итальянский, испанский, французский, немецкий, латышский, эстонский, финский, датский, голландский, сербский, турецкий, китайский и корейский языки. В 2013 году награждён Премией Dr. Margrit Egnér-Stiftung.

заботы о себе. И его исследовательский проект – это «философия искусства жизни», во многом схожий с тем, что делает популярная психология (в духе *self-therapy, self-help*). Только делает он это на более «элитарном» уровне (с опорой на мировую литературу, философию). В целом, это также неплохо востребовано: если верить немецкой википедии, продано около 700 тысяч его работ.⁴

Ввиду этих данных возникает проблема выбора в социальной теории. Правда, для меня решение очевидно: зачем ориентироваться на тех, кто лишь негативно критикует и не видит конкретные возможности решения проблем?

Вот те темы и вопросы, которые я хотел обсудить в связи с изучением работ Фурса. Для меня разрешение отмеченных дилемм очевидно: это выбор в пользу теорий общества риска. И на основе их методологий весьма интересно проанализировать, например, деятельность научно-популярных журналов по психологии, которые единственные продвигают на массовом уровне постматериалистические ценности в постсоветском контексте. Я здесь имею в виду российское издание французского журнала *Psychologies*⁵, аудиторией которого являются люди с высоким и средним уровнем дохода, что не является помехой для распространения постматериалистических ценностей.

Дмитрий Иванов. Много лет назад Фурс нашёл меня через интернет, обратился по электронной почте, в силу того что нашёл человека, также интересующегося и на тот момент занимавшегося критической теорией. И я тогда отметил то, о чём Павел сказал, – «хабермасианский крен». С моей точки зрения, здесь остаётся или даже на тот момент оставалась вывеска «критическая теория», а самой критики или собственно критической теории уже не было. В моей терминологии, Хабермас – «компромиссная версия» теории, никаких импульсов, которые возникли в 1930-е годы, здесь уже не найти. Соответственно, с этим связаны и те проблемы, о которых говорилось. Настоящей критики – не важно, что мы имеем в виду (кантианское вскрытие основ или промарксистское разоблачение «язв общества»), – здесь мы не находим. Это попытки умиротворить, найти компромисс, создать «гладкое общество», что Хабермас и делает. Юрген Хабермас – это философия для СДПГ; это НСДАП, но без концлагерей. Немецкий бюргерский порядок без экстремизма. В этом смысле нет и не может быть никакой критической теории в этом направлении. Другое дело, что Владимир Фурс, безусловно, был человеком креативным и харизматичным, поэтому он сумел придать идеям хоть какой-то блеск, хоть какое-то звучание, чтобы привлечь других креативных людей. В этом смысле личность оказалась сильнее той теоретической программы, которую он выбрал. С моей точки зрения, он выбрал не ту программу. Я полагаю, что среди того, что возникло как критическая теория, к началу и середине XX века были разные версии. Самой интересной являлась

⁴ См.: http://de.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_Schmid_%28Philosoph%29.

⁵ Подробнее см.: <http://psychologies.ru/>

диалектическая версия в исполнении Маркузе. Возможно, в настоящий момент перспективнее, как ни странно, наиболее фундаменталистская версия, я называю её «догматической». Это та версия, которая идёт от Хоркхаймера через Адорно. Но, может быть, какие-то корни для того, чтобы что-то выразить и развить сейчас, можно отыскать именно там, в этом фундаменталистском начале.

Андрей Ролёнок. Владимир Николаевич Фурс являлся руководителем магистратуры «Социальная и политическая теория», в которой я учился в 2006–2008 годах. Я был также слушателем в качестве студента его курсов. Он никогда не являлся моим научным руководителем, но я могу сказать, что он всегда был моим Учителем. Вместе с Фурсом по окончании магистратуры (2008 год) мы разрабатывали курс для бакалавров-философов под названием «Введение в критическую социальную теорию» и соответственно вместе его преподавали. Фурс также успел поучаствовать в утверждении темы моей будущей Ph. D. диссертации, посвящённой критической теории Зигмунта Баумана. Что мы можем узнать из текстов Фурса? Я продолжу ту линию, которую Павел начал, и попытаюсь оценить интеллектуальную эволюцию Фурса.

Как мне кажется, можно выделить *три* этапа эволюции, которые в определённой степени телеологичны, и телосом этих этапов является то, что Фурс обозначал как стремление к мышлению от первого лица. Этот путь начинается у него с преодоления активного ученичества (или, в других текстах, он называл это «оправданным школярством»). *Первый этап* этого интеллектуального движения, который могут взять на вооружение молодые интеллектуалы, собирающиеся пройти путь становления в рамках социальной теории, социальной философии, связан с тем, чтобы **выбрать себе Отца** в символическом и интеллектуальном смысле. Для Фурса таким Отцом являлся Хабермас. Этот период представлен книгой Фурса *Философия незавершённого модерна Юргена Хабермаса* (2000).

Реконструировать, осуществить интеллектуальную реконструкцию, вписать в многообразие контекстов своего Отца есть второй этап, этап своеобразной **реконструкции того поля**, в рамках которого твой символический Отец в контексте социальной теории умирает либо мыслит и действует. Текст Фурса *Социальная философия в непопулярном изложении* (2006), где разворачивается коммуникативная парадигма современной критической теории, где он апеллирует к Нэнси Фрейзер, Акселю Хоннету, работает с практиками борьбы за признание, разрабатывает иные темы, – это и есть реконструкция поля, а также продолжение активного ученичества в стремление к тому, чтобы начать философствовать, начать мыслить от первого лица. Это также необходимо брать на вооружение.

И, наконец, самый значимый момент в перспективе того, чему мы можем научиться у Фурса (и я также научился), – это **поворот к Беларуси**. Как социальные теоретики, мы жонглируем модными концептами, модными теориями, сравнивая их между собой; кон-

струируется определённого рода эзотерический язык, который к тому же лишён привязки к белорусскому контексту. Примечательно, что Фурс осуществил поворот к Беларуси (к исследованию Беларуси), и этот поворот был осуществлён именно из перспективы критической социальной теории. Это тот сложный путь, который необходимо пройти любому интеллектуалу: каким образом актуальные концепты, выработанные в иных контекстах авторами иной культурной принадлежности, можно использовать и заставить работать, чтобы расширить горизонты нашего, скажем так, социологического воображения здесь и сейчас, в Беларуси, в белорусском культурном ландшафте. У Фурса есть тексты, отвечающие на этот вопрос, – текст про глобализацию, про демократию в Беларуси, про публичную сферу, про образование. Это хороший том, отдельная книга, которая должна была завершиться, если бы Фурс продолжал работать. Есть ещё текст, опубликованный изначально в АРХЭ, который посвящён проблематике белорусской идентичности.⁶ Мне кажется, что получилось бы неплохое название – «Белорусская идентичность сквозь призму критической социальной теории». Именно этот путь и можно продолжить.

Галина Русецкая. Я училась вместе с Андреем Ролёнком в магистратуре, была ученицей Фурса (в Вильнюсе, в Европейском гуманитарном университете). Хотелось бы продолжить то, о чём уже сказал Андрей. Я полагаю, что уровень высокой теории, теоретизирования на высоком уровне, заданный Фурсом, должен оставаться. Мне видится, что эту планку высокого теоретизирования необходимо держать. Я не хочу сказать, что её стоит держать каким-то определённым образом – только следуя за Ю. Хабермасом или за левой критикой. Нет. Одна из основных заслуг Фурса – мощная просветительская деятельность. То, как он представил нам эти западные концепции, выросшие не в нашей среде, пожалуй, никто лучше не сделал бы. Не имея этой медиации, осуществлённой Фурсом, мы, видимо, сохранили бы весьма фрагментарное впечатление об этих теориях как о наборе понятий, непонятно как составленных.

Мне всё-таки видится, что умение теоретизировать на высоком уровне важно само по себе, независимо от локального контекста. Андрей Ролёнок правильно сказал, что это довольно сложно, потому что есть определённые ножницы между социальными практиками и их теоретическим осмыслением. Теоретизирование, постоянная концептуализация, наращивание теоретизирования могут быть интересны и самодостаточны. Лично я питаю слабость к такого рода философствованию, к такого рода социальной теории. Мне действительно интереснее читать Эрнесто Лакло и Славоя Жижека, чем с помощью простого указующего жеста познавать эту самую «белорусскую реальность». Да, это самый сложный вопрос, как соотносить то, что мы называем белорусской реальностью, и тео-

⁶ Фурс В. *К вопросу о “белорусской идентичности”* (2008). В: Фурс, указ. соч., т. 1, 108–115.

ретические конструкты. И даже если мы возьмём тексты Фурса о Беларуси, то они также во многом носят спекулятивный характер. Каким-то образом притягиваются конструкты, например, из теории К. Касториадиса. Так, при тематизации того, что Фурс называл «инклюзивным гражданским национализмом», набросано довольно много идей и концептов. Но мы можем с таким же успехом притянуть и других авторов и сквозь призму их идей посмотреть на ту же самую белорусскую реальность. Белорусская реальность – это что-то эксклюзивное, требующее пристального рассмотрения? Мне так не кажется. Уровень высокой теории необходимо каким-то образом сохранять и не отбрасывать только потому, что он (так может показаться) избыточен по отношению к локальному социальному порядку.

И ещё мне видится важным включение интеллектуалов Беларуси в различные международные социально-теоретические проекты. Это важно для того, чтобы каким-то образом постоянно диверсифицировать само представление о социальном в принципе, и о белорусском социальном в том числе. Это то же самое социальное. Искушённый теоретический язык должен иметь место хотя бы для того, чтобы не замыкаться в представлении об обществе как о чём-то прозрачном, понятном. Мне кажется, что зачастую имеет место регрессия в том, чтобы видеть белорусскую реальность как довольно простую, недотягивающую до уровня, достойного привлечения теоретических моделей, выросших на других землях. Здесь, скорее, имеется задача по приобщению нас к высоким образцам социально-теоретической мысли.

Дмитрий Гамезо. Я поступил в ЕГУ, когда Владимир Николаевич был жив. Я был на его лекциях, но он вёл не у меня, а у моих старшекурсников-философов, поэтому у меня он лично не преподавал напрямую. Я, конечно, хотел бы поднять массу проблем, связанных с текстами, ознакомившись с которыми, я понял, какую большую утрату понесли университет, сообщество, академическая сфера и Беларусь в целом, а также мировая социальная теория, как мне кажется. Поэтому я хотел бы разобрать интересные концепты, например, регрессивной социальности, которая берёт своё начало у К.Г. Юнга, или идею инклюзивного гражданского национализма, идущую от агональной демократии Э. Лакло и Ш. Муфф. Все эти моменты были бы очень интересными, и очень важно было бы их рассмотреть. Но сегодня я хотел бы затронуть вопрос, который поднимали уже несколько раз: и про ЕГУ, и про институт образования.

В буклете, посвящённом пятнадцатилетию университета, содержатся небольшие отрывки, цитаты из того, что говорил Владимир Фурс о Европейском гуманитарном университете. И мы, наверное, не удивимся, что о ЕГУ он говорил крайне резко, критично. Умение и способность критиковать то сообщество, в котором ты живёшь, тот институт, в котором ты находишься, – это большая и очень сложная задача. Дескать, ты подставляешь других, ты

говоришь что-то вредное и ненужное, подрывая тем самым имидж корпорации, и т. д. Нет, я считаю, что роль и функция критики, которую показывает нам Фурс, – это терапия. То есть, критикуя, занимаясь социальной критикой самих себя, мы выздоравливаем, лечимся от социальных болезней. Когда мы читаем эти небольшие отрывки, где Фурс говорит нам, что какая-то часть студентов является балластом университета, – он признаёт это. Он говорит о балласте студентов, которые плохо учатся, но продолжают обучение, он говорит про политизированность проекта ЕГУ. Он не боится – точнее, не боялся это проговорить.

Необходимо также упомянуть про иронию Фурса. Когда я открываю тексты Фурса, у меня позитивное настроение. С первых же страниц мы видим эту иронию. Иронию, которую в академическом тексте очень редко встретишь.

Поэтому я хотел бы, чтобы мы также учились быть критичными к тому сообществу, в котором находимся, и умели иронизировать над самими собой и над той ситуацией, в которой находимся.

Дискуссия

Андрей Лаврухин. Реагируя на сообщение Павла Барковского, я точно готов солидаризироваться с одним моментом. Действительно, и сама деятельность Фурса, и то, как он это делал, его тексты по-прежнему вызывают у ряда белорусских интеллектуалов критику в адрес именно вот этой чрезмерной акцентации внимания на модернизации Беларуси по кальке Запада или модернизированных обществ. Это догоняющее развитие действительно вызывает у многих негативную реакцию, полагают, что тем самым как бы выражается пренебрежительное отношение ко всему, что здесь происходит, не учитывается специфика, приводятся рассчитанные на какие-то развитые общества конструкции, которые не имеют никакого отношения к реальности, с которой мы имеем дело. Мне тоже видится, что движение в этом направлении уж точно не будет оставлять равнодушным никого из современных интеллектуалов Беларуси. Я даже подозреваю, что эта проблема, этот вопрос характерен для многих постсоветских стран. Этот водораздел между теми и другими может стать уж точно тем, что сделает это исследование нескучным. Не знаю, насколько продуктивными могут быть эти баррикадная логика и борьба. Но тем не менее, точно не скучными. Такова моя ответная реакция.

Дмитрий Гамезо. В связи с упомянутым Павлом текстом Фурса о глобализации, я обратил бы внимание на другой момент – понятие глобализации уже включает в себя понятие глокализации. Поэтому в данном случае мы говорим о локализации, адаптации социальной критики к белорусской ситуации. И здесь мы сталкиваемся с уникальным опытом, ситуацией, в которой необходимо локально применить социальную критику вообще. Но в чём эта уникальность проявляется? Уникальность белорусской ситуации

заключается в том, что глобальные, глобализационные потоки в Беларуси видоизменяются, преломляются. Владимир Николаевич также об этом пишет, указывая на то, что глобализационные процессы, которые действуют во всём мире, в Беларуси приобретают особые оригинальные формы, но работают они по той же «старой и доброй схеме» глобализации и современного капитализма.

Андрей Лаврухин. Реагируя на сообщение Андрея Тетёркина, я сразу пытаюсь понять, был ли у нас такой (по аналогии с В. Шмидом) автор, который был бы, скажем, популярен, его покупали бы?

Реплика из зала. Акудович...

Андрей Лаврухин. Мне интересно, а в России есть такие авторы из социогуманитариев, которые действительно популярны?

Юрий Асочаков. Насколько я наблюдаю, у нас – хотя мы, как всегда, не сами это придумали, это давно существующая практика на Западе, – есть огромное количество популярных психологических и псевдонаучных, околофилософских журналов...

Андрей Лаврухин. Понимаете, дело ведь в том (простите, что перебиваю), что Вильгельм Шмид – это не автор глянцевого журнала. Он предлагает качественный продукт в том смысле, что ориентирует на, скажем, Мишеля Фуко, классику греческой и римской философии (в частности, он опирается на стоиков), он очень хорошо ориентируется в западной философии. Это не трэш.

Юрий Асочаков. Я не говорю, что в глянцевых журналах «пишут» трэш. Это, возможно, качественный материал для специализированной аудитории, к которой я не принадлежу. Вот и всё, что я сказал. Это вполне достойный материал. Возможны и другие глянцевые медийные продукты, наряду с видеолекциями и так далее. Но у нас таких медийных продуктов для, скажем, телевидения не изготавливается, к большому сожалению. Те вещи, которые у нас мелькают, немного вяловатые. Это рассуждения группы московской профессуры вокруг таких проблем, которые, в общем-то, и могут вызвать интерес у какой-то части медийной аудитории, но быть полезными точно не могут.

Вот тот аспект, который затрагивает упомянутый вами немецкий профессор, и та стилистика, возможно, являются перспективными. Многие рядовому человеку можно рассказать из уже готовленной философии. Это может быть даже простой Кант. Расскажи его человеческим языком, и «просто человек» обрадуется, что, оказывается, в общем-то, не всё так плохо и запущено, и есть ответы. Тем более, если связать это с каким-нибудь авторитетом, назвать им фамилию или сослаться – это такой известный способ легитимации знания для простого сознания. Отсылка к авторитету, о котором ты что-то слышал, но подробностей не знаешь. Скажи тебе, что это сказали стоики лет столько-то назад, и ты с гораздо большим уважением будешь относиться к тому, что тебе говорят. Дальше можно говорить, что угодно.

Дмитрий Иванов. Я хотел бы добавить, что в России есть своя специфика. Мы обсуждаем, что может быть *Publishing phenomenon*.

В России есть *Publishing phenomenon*, но мы предполагаем, что это может быть бытовая версия, адаптированная версия Шмида в российской философии. В России другой *Publishing phenomenon*. Это то, что называется «академик Фоменко» и «новая хронология». В России философские вопросы имеют смысл, приобретают публичный и политический характер, если они завязаны на историю. То есть мы обсуждаем вопросы: существовал ли Александр Невский и был ли Сталинград? Это такое замещение философствования. В этом смысле, вопросы в классическом смысле философствования, как-то: об экзистенции, бытии и *dasein* и т. д., то есть метафизика, – они по-прежнему неинтересны. Интересно то, где наши корни и откуда наше величие? То, что величие – это не вопрос, это не обсуждается, а вот откуда оно и что с ним будет дальше? Вот в этом смысле *Publishing phenomenon* и есть. И публика, средне- или малообразованная, она это читает, пытается с этим разобраться, и как-то у неё это получается, и она пытается это обсуждать с интеллектуалами. Интеллектуалы, начитавшиеся, в западном понимании, философии, этого не приемлют, и здесь тупик возникает. Соответственно, не возникают медийные феномены. Но есть маленькие ростки, они, как правило, не в журналах и не в книгах, а на телевидении. Есть, конечно, ещё интернет, социальные сети – и там есть проекты, которые предлагают философствование, в том числе и критическое философствование, и находятся аудитории. В силу того что это вещание, а не книга в продаже, то, так или иначе, масса публики набирается, и это существует.

Мария Козлова. Я хотела бы вернуться к высказыванию Андрея Лаврухина по поводу попыток отыскать то место, где всё-таки креативно развивается социальная теория. Хотелось просто привести пример интернет-ресурса «Постнаука»⁷, достаточно интересного научно-популярного ресурса, куда можно подключиться, не будучи специалистом, и полюбопытствовать. Я, например, нашла для себя достаточно интересные теории, связанные с социологией пространства, социальной антропологией.

Андрей Лаврухин. В своём выступлении Дмитрий Иванов выдвинул много провокативных тезисов. У меня тоже есть вопрос в этой связи. Действительно, Ю. Хабермас, как ни странно, не изучен и не популярен даже в академической среде. Я знаю, что Н.В. Мотрошилова⁸ неоднократно пыталась как-то ввести его в поле обсуждений, но не получилось. Если у В.Н. Мотрошиловой (с её статусом,

⁷ См.: www.postnauka.ru.

⁸ Мотрошилова, Неля Васильевна (род. 1934) – российский философ, доктор философских наук, профессор, заведующая сектором истории западной философии ИФ РАН; автор многочисленных текстов о Ю. Хабермасае, включая статьи в *Новой философской энциклопедии* (2000–2001); награждена медалью ИФ РАН «За вклад в развитие философии» (2009), орденом Федеративной Республики Германия «Bundesverdienstkreuz am Band» (2005) и др. Её последняя монография: *Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие – время – любовь* (2013).

публикационной активностью) не выходит, то непонятно, с кем вообще Хабермас может войти и как? Действительно, может быть, вы отчасти и правы. Хотя возникает вопрос, почему Хабермас не становится темой?

Андрей Ролёнок. *Теория коммуникативного действия* Юргена Хабермаса не переведена на русский язык.

Дмитрий Гамезо. Проблема не в том, что Хабермас не актуален и потому он не работает. Юрген Хабермас не критичен, он нейтрален. В этом вся проблема. Но всё же я хотел бы оспорить тезис Дмитрия о том, что в социальной критике Фурса обнаруживается крен в сторону именно или только хабермасианской парадигмы. Насколько я знаю, Фурс связывался с вами где-то в 2002–2004 годах. А если вы откроете первый том *Сочинений Владимира Фурса*, то увидите, что после 2006 года в текстах Владимира Николаевича нет крена в сторону Ю. Хабермаса. Мы действительно сталкиваемся с Ю. Хабермасом на протяжении всего творческого пути Фурса, но уже в монографии *Социальная философия в непопулярном изложении* (2006), где рассматривается полемика М. Фуко и Ю. Хабермаса, можно заметить, что «пальма первенства» отдаётся именно М. Фуко и поздним критикам Ю. Хабермаса (например, Н. Фрейзер). И если внимательнее присмотреться к содержанию первого тома (хронологически он содержит более поздние тексты), мы заметим, что Владимир Николаевич опирается на имена совершенно других авторов. Так, уже в статье *Социально-критическая философия после “смерти субъекта”* (2008) идёт совершенно другая градация авторов: Л. Альтюссер – К. Касториadis – Э. Лакло и Ш. Муфф – С. Жижек. И такая линия, уже теснящая и даже исключая Ю. Хабермаса, указывает на тот факт, что когда Владимир Николаевич писал про динамическую социальность, являясь динамичным человеком, сам трансформировался и изменился. Он воспринял этот, может, «дух времени», но я не хочу в метафизику бросаться, понимая, что Ю. Хабермас, даже как живой мэтр, уже не отвечает актуалиям; он – как старая машина, которая не заводится. Поэтому, действительно, необходимо это увидеть и отметить.

Андрей Ролёнок. Я возразил бы по поводу исчезновения Ю. Хабермаса. Это «исчезновение» мне не кажется исчезновением. То, что Фурс маркировал в своей книге *Социальная философия в непопулярном изложении*, о чём говорил и что разрабатывал – это коммуникативная парадигма критической социальной теории. И эта парадигма, с точки зрения Фурса, своим «источником» видит Хабермаса, отсылает к нему. На занятиях, когда я был магистрантом, Фурс обращался к этой теме, в тех таблицах, которые нам давались, вырисовывалась динамика критической теории в его понимании, и он не отрицал значимость Хабермаса. Хабермас как символический Отец проекта социальной философии Фурса и не мог исчезнуть.

Реагируя на сообщение Галины Русецкой, я прокомментирую встречно. Дело в том, что то понимание, то употребление критической теории, которое развивал Владимир Фурс в последних своих

текстах, базировалось на таком приёме, как контекстуализация. Я думаю, что он всех нас смог научить тому, что не существует критической теории вообще, невозможна тотальная критика общества, но критическая теория может существовать в такой контекстуализированной форме и при наличии адептов. Это была попытка выработки контекстуализированной, выросшей из определённого контекста социальной критической теории с использованием уже имеющихся наработок в этом поле. Понятно, что все предыдущие наработки вырастают как реакция на определённого рода проблемы, «патологии» в различных сферах (политических, экономических, гендерных, экологических и т. п.). Мне кажется, этот момент важно учитывать.

Галина Русецкая. Я хочу акцентировать, что по определению социальная теория не является оторванным знанием, даже если оно выросло из других контекстов. Да, вопрос соотношения местного контекста и другого – это ещё более сложный вопрос, чем вопрос о возможностях метатеоретического знания.

Павел Барковский. При этом вы, как ни странно, ссылались на С. Жижека, который, к слову сказать, весьма показательный автор в том, что он постоянно набрасывает свою теорию на конкретные кейсы, находимые в современной действительности, вместо того чтобы заниматься сугубой теоретизацией.

Андрей Лаврухин. Эта тема второй раз у нас всплывает. Имеет ли право на существование теория, которая оторвана от реальности? Что это значит? Как это выглядит? Это значит, что мы читаем такие очень масштабные теоретические анализы и беседуем, общаемся на эту тему, делимся своим интеллектуальным воображением по поводу прочитанного. Здесь есть несколько обстоятельств, которые необходимо, на мой взгляд, иметь в виду, когда мы продолжаем эту тему. Первое, это наличие пространства возможности для проведения таких бесед. Почему я говорю о пространстве возможности? Потому что это связано со вторым моментом – с конвенциями. Мы говорили о школе или о чём-то ещё? Школа вообще возможна тогда, когда есть несколько людей, читающих одни и те же книги, владеющих одним словарём и способных поддерживать дискуссию на ту же самую тему. Как показывает опыт, этот круг ограничен, он устойчив лишь тогда, когда есть институт, в котором вы получаете деньги, более-менее регулярно общаетесь и поддерживаете тем самым этот дискурс, эту возможность разговаривать. Я просто обращаю внимание (мне кажется, это важно иметь в виду), что в Беларуси реальность даёт нам всё меньше возможностей для этого. С закрытием департамента философии в ЕГУ, с ограничением всех легальных площадок, где люди могли бы быть вместе пространственно и поддерживать коммуникацию друг с другом, опыт подсаживает, что такого рода сообщество распадается.

Галина Русецкая. Можно я возражу сразу же? У нас только что закончилась панель по психоанализу, где мы обсуждали эту возможность, и в частности – введённое Ниной Савченковой

понятие «изобретение отношений». В психоанализе это работает, почему это не может работать в области социальной теории? Все мы имеем какое-то отношение к той социальной реальности, в которой живём. Почему нас должны скреплять какие-то внешние факторы, институциональности? Это не единственный скрепляющий момент. Если нам нечего друг другу сказать, предъявить, нет повода, чтобы выстраивать агональные отношения, то финансы мало что нам дадут.

Андрей Лаврухин. Я имею в виду не столько финансы, сколько институциональные условия возможности поддерживать один и тот же разговор или дискурс. В этом смысле (мне так кажется) Беларусь – это то, с чем мы имеем дело каждый день и что задаёт определённые рамки такого дискурса. Можно обратить внимание на то, что такая, казалось бы, абстрактно заданная тема конгресса («Даследчыкі Беларусі») оказывается востребована и актуальна, это такое поле, в котором можно вести речь. Почему? Потому что это та реальность, в которой каждый раз находятся резонансы наших интересов. Это один аспект. Второй момент, мне кажется, очень важен. Это связь теории и, скажем, прикладных дисциплин. *Когда мы говорим о социологии, насколько социологии интересна социальная теория? Насколько это важно для социологии?*

Галина Русецкая. Теоретическая социология сама способна отрефлексировать собственные основания. В то же время у Фурса в одном из текстов есть тезис относительно того, что социальная теория – это не какая-то региональная часть философии, а философия в целом – со своей онтологией, гносеологией, методологией. Это вопрос о стремлении каким-то образом застолбить это пространство – «социальное». Если социальная философия в состоянии предъявить что-то значимое и важное, то тогда вопрос не стоит, нужно это кому-то или нет.

Ольга Бреская. Отвечая на вопрос, сформулированный Андреем Лаврухиным, я думаю, что границы как таковой нет. Социологи занимаются как прикладными исследованиями, так и теоретическим анализом. Всё, что нас отличает, возможно, это сбор эмпирических данных. Например, как социолог религии, я опираюсь на идеи Юргена Хабермаса, Питера Бергера, других авторов, которых можно отнести как к философам, так и социологам. Поэтому я не вижу необходимости проведения линии, которая разделяла бы социальную теорию и социологию.

Когда-то нас учили, что в социологии существует *три уровня* социологического знания: уровень эмпирической социологии, теории среднего уровня и теории как таковой. Теоретический анализ – это составная часть социологического знания. При этом чем выше уровень теоретического анализа эмпирических данных, тем ценнее результаты исследования. Поэтому социология стремится к наиболее высокому уровню теоретизирования на предмет исторических фактов или статистических показателей. Очень важно пытаться использовать те идеи, которые существуют в со-

циальной теории, для понимания эмпирических данных. В общем, я не вижу границы.

Дмитрий Иванов. Если вы создаёте концепты, актуальные настоящему, а не только для своего сообщества, то прикладники приходят к вам сами. У меня, например, выработалось уже устойчивое чувство вины перед прикладниками. Они меня хватают в кулуарах за рукав: давайте вашу теорию вот сейчас выстроим, операционализируем, проведём исследование. Иногда они даже делают это – получается плохо. Другие говорят: у нас масса материала, может, вы придёте к нам, мы с вами обсудим и как-то это проинтерпретируем – чаще всего также не очень хорошо получается по разным причинам. То есть существуют проблемы взаимного понимания, перевода с языка на язык, той самой операционализации – это технические проблемы. Но, помимо них, я возвращаюсь к тому, что говорил, есть *две* проблемы: социальная и проблема социологического анализа (то есть «социологии социологии»). Есть разные поколения, страты в сообществе, и кто говорит от лица сообщества – это очень интересный вопрос. И второе, есть эшелоны теории – кто создаёт, кто является креативным, кто это адаптирует, использует, а кто является таким бессознательным пользователем и иногда приносит то, что когда-то изобрёл Ю. Хабермас, так, как будто это придумано им, выстрадано им, и он верит, что это его и есть. То есть одни переводят, интерпретируют, цитируют, а другие честно воруют идеи, искренне выдают за своё, то есть, я хочу сказать, абсолютно не осознанно. Вот если это всё учесть, тогда получится картина не столь печальная, как она здесь складывается: социальная теория оторвана, социальная теория не востребована, Шмид популяризатор, а глянцевые журналы наполнены другим. Тут и глянцевые журналы, и Шмид – они (теории) не для реальных бессознательных пользователей существуют, они совершенно для других целевых аудиторий. У нас общество и целевые аудитории очень сильно дифференцированы, ещё и подвижны. Вот это и надо учитывать.

Оксана Шелест. Понимаете, для меня вопрос о связи социальных исследований, социологии и социальной теории настолько странный, что я сижу и пребываю в полном замешательстве. Есть социологи, которые работают с социальной теорией. И мне нравится заключение Павла по поводу того, что как только социолог доходит до формулирования социальной теории, он сразу начинает казаться социальным теоретиком. Это просто чудесно. Для меня этого вопроса не существует. По поводу актуальной ситуации в белорусской социологии как существующей науке, я думаю, что тут грех объяснять, как всё плохо.

Андрей Лаврухин. Это старая присказка. Мы все любим об этом говорить. Но вопрос остаётся: а как плохо? В чём именно плохо? Что плохого?

Андрей Ролёнок. У нас был отдельный круглый стол, посвящённый данной теме. Галина как раз делала доклад на основе своего качественного исследования.

Галина Русецкая. У нас также вышла книга *После советского марксизма?*. Часть нашего внимания уделена этому вопросу. Я делала глубинные интервью с белорусскими социологами. И вижу, что основной болезнью белорусской социологии является суровый неискоренимый эмпиризм. Есть пару человек, которым не с кем разговаривать на метатеоретическом уровне в своей профессиональной среде (напр. Владимир Абушенко¹⁰). Что касается довлеющих парадигм, то это структурный функционализм – Т. Парсонс, в лучшем случае – Р. Мертон. На этом всё – социология закончена, т. е. не было ни этнометодологии, ни феноменологической традиции. Люди, которые проповедуют исключительно позитивизм в социологии, сидят в ВАК, руководят комиссиями и рубят диссертации тех молодых людей, которые пытаются писать, например, в русле феноменологической социологии. Это нужно понимать и думать, а надо ли нам иметь какие-то связи с этими людьми?

Оксана Шелест. Очень трудно создать одновременно социологическую теорию и актуализированную социологию в Беларуси. Когда я говорю, что в рамках социологии всё плохо, то имею в виду, что темпы того, что здесь производится, очень-очень низкие, и пока даже трудно сказать, в какой перспективе мы можем развиваться. Я скажу также про В. Абушенко, которому не с кем разговаривать, ибо отсутствует критическая масса для такого обсуждения. Года три или четыре назад, ещё работая в Институте социологии, мы затевали постоянный семинар по социальной теории и подходам к состоянию социальной теории. Вчера на секции Татьяна Водолажская делала доклад с версией того, как мы себе представляем построение социальной теории и социального знания. Для меня это тот ход, та линия, которая развивается в Беларуси в правильном направлении. Но сейчас мы находимся в совершенно параллельном пространстве с академическими перспективами социологии и эмпирических исследований. Мы не можем набрать нормальную критическую аудиторию для совместной деятельности и совместного обсуждения. В России в этом смысле ситуация другая.

Феликс Аккерман. Я хотел бы сказать, что есть такое клише, что человек с Запада сам по себе лучше, воспринимается так. Я должен сказать, что на культурологическом факультете в Германии многих социологических дисциплин вообще нет, единственный философ умер, так и не дописав свой главный труд. Я не успел познакомиться с Владимиром Фурсом, но его очень не хватает именно у нас в ЕГУ и именно в том смысле, о котором мы говорили, – в смысле соотношения высокой теории и эмпирических исследований. Недавно

⁹ Шпарага О. (сост., ред.) *После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина)*. Вильнюс: ЕГУ, 2013. 288 с.

¹⁰ Абушенко, Владимир Леонидович (род. 1957) – заместитель директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент.

прочитал его текст *Белорусский проект современности*¹¹, и мне кажется, что если бы мы начали новый разговор о том, как концептуально отнестись к Беларуси, то я начал бы именно с этого текста. Это хорошая стартовая точка.

Андрей Лаврухин. Коллеги, я хотел бы завершить наш круглый стол тем, что все высказанные здесь соображения, все темы и проблемы, которые вызвали ответную реакцию и дискуссии, лягут в основу формулировки проблематики запланированных *Фурсовских чтений*. Это означает, что каждый из вас сможет найти в них свою тему и, надеюсь, свой интерес.

Под редакцией *Андрея Ролёнка*

¹¹ Фурс В. *Белорусский проект “современности”?* (2007). В: Фурс, указ. соч., т. 1, 155–172.